

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I)

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Тихонова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Терроризм, будучи достаточно давним явлением, угроза, существующая не менее двух тысячелетий, по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества. Понимание того, как человек приходит к совершению террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации, в чем и заключается цель нашего теоретико-аналитического исследования; при этом основное внимание направлено на работы зарубежных авторов. Безопасность и противодействие терроризму — являют собой одно из приоритетных направлений развития науки в России. Это направление имеет различные грани анализа. С психологической точки зрения, разработка мер воздействия должна базироваться на знании о том, как человек примыкает к группам и организациям террористического толка, каковы психологические механизмы радикализации, а также понимании закономерностей дерадикализации. Представленный нами аналитический обзор в рамках социально-психологического знания позволил преодолеть своего рода пробел, существующий в литературе, а именно: познакомить отечественного читателя с перспективной объяснительной моделью процесса радикализации — теорией неопределенности—идентичности (предложенной М. Хоггом), которая описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими и радикальными убеждениями, а также почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп.

Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть I)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142.

Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part I).
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, неопределенность, коммуникативные стратегии, социальная идентичность, групповые нормы, «визуальная культура».

Финансирование. Бовина И.Б. выполняла теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Экспансия (Конкурс на соискание финансовой поддержки для подготовки и опубликования научных обзорных статей)» № 19-113-50280.

Для цитаты: Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142. DOI:10.17759/psylaw.2020100309

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I)

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Terrorism, being a long-standing phenomenon and a threat that has existed for at least two millennia, is still an extreme problem in the life of society. Understanding how a person comes to commit terrorist acts requires consideration of the process of radicalisation. The aim of our literature review is to analyse the process of radicalisation. Security and counter-terrorism are one of the priority areas of scientific development in Russia. This direction has different facets of analysis. From a psychological point of view, the development of measures of influence should be based on knowledge of how a person joins groups and organizations of a terrorist nature, what are the psychological mechanisms of radicalization, as well as an understanding of the laws of deradicalization. Our analytical review within the framework of social psychological knowledge has allowed us to overcome a kind of gap existing in the literature, namely, to acquaint the Russian readers with a promising explanatory model of the process of radicalisation - the uncertainty — identity theory, proposed by Hogg. This model explains why and how people join groups with extremist and radical beliefs, as well as why they prefer acts of violence, acting on behalf of these groups.

Keywords: radicalisation, terrorism, uncertainty, communication strategies, social identity, group norms, "visual culture".

Funding: Bovina I. B. performed theoretical and analytical research on the problem of radicalization with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project "Expansion (Competition for financial support for the preparation and publication of scientific review articles)" - № 19-113-50280.

For citation: Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part I). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142. DOI:10.17759/psylaw. 2020100309 (In Russ.).

Введение

Терроризм не является новым феноменом, присущим только XX веку, он существует достаточно давно и насчитывает не менее двух тысячелетий [44], однако по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества, представляя собой одну из самых серьезных угроз существованию человечества. Понимание того, как человек приходит к совершению террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации, в чем и заключается цель нашего теоретико-аналитического исследования.

В литературе различают, как минимум, четыре категории терроризма: левого и правого толка, националистический и религиозный [44]. Назовем ключевые характеристики каждого из них. *Терроризм левого толка* базируется на леворадикальной идеологии, следуя которой члены организаций совершали акты неповиновения, убийства, нападения на полицию и представителей власти. В качестве примера можно назвать «Фракцию Красной Армии», образованную в ФРГ в 1968 г.; «Красные бригады»; созданные в Италии в 1970 г.; «Революционную организацию 17 ноября», созданную в Греции в 1973 г. *Терроризм правого толка*, соответственно, апеллирует к праворадикальной идеологии для оправдания и направления своих действий. Именно такой была ультраправая группировка «Секретная армейская организация», созданная в Мадриде в январе 1961 г. (после референдума о самоопределении Алжира), в состав которой входили французские военные. Терроризм явился в этом случае способом политической борьбы. Группировка действовала во время войны в Алжире, целью деятельности этой организации было сохранение целостности Франции. Объектами террористических действий были французские политики и представители освободительного движения Алжира. Суть *националистического (или сепаратистского) терроризма* сводится к борьбе за независимость. Так, среди организаций этого толка — «ЭТА», основанная в 1959 г. Хотя она является леворадикальной группировкой по своей риторике, тем не менее, эта группировка иллюстрирует националистический терроризм (если все-таки судить по ключевой идее [23]), ибо речь идет о независимости страны басков — территории, принадлежащей Испании и Франции. Террористические акты, реализуемые членами этой организации, включали как убийства полицейских, так и представителей гражданского населения. Наконец, *религиозный терроризм* апеллирует к религиозным категориям, оправдывая свою деятельность и рекрутируя новых членов в свои ряды. Призывы к священной войне или освободительной борьбе присутствуют в дискурсе организаций этого толка. К этой категории терроризма относятся различные группировки: будь то осуществляющие религиозный терроризм в

Индии или акты насилия во имя идей христианского толка [44]. Именно к этой категории относится терроризм, реализуемый исламистскими фундаменталистскими группировками. Терракты 11 сентября 2001 года, совершенные в США, явились своего рода апогеем в деятельности одной из них — Аль-Каиды; после этих событий мир, несомненно, стал иным.

Апеллируя к статистике, представленной в Глобальной базе данных по терроризму с 1970 по 2018 г., можно говорить, что за этот период было совершено 191464 терактов [28]. Динамика количества погибших в результате терактов за этот промежуток времени такова, что после пика 2014 г. к 2018 г. наблюдается спад (на 52%). Террористические акты преимущественно совершаются в ряде регионов мира, а именно: Ближний Восток, Южная Азия, Африка к югу от Сахары. На долю именно этих географических районов пришлось 93% жертв терроризма с 2002 по 2017 г. [39]; скорее, можно говорить о том, что в последнее время теракты происходят в странах, в которых ведется война [39]. В то же самое время именно этому временному отрезку принадлежат серии терактов во Франции, Германии, Бельгии, заставившие правительство европейских стран серьезно отнестись к проблеме безопасности. В 2019 г. 1004 человека были арестованы по подозрению в причастности к террористической деятельности в 19 странах Европейского союза, при этом наибольшее количество арестованных было в таких странах, как Бельгия, Франция, Испания, Италия и Великобритания [23].

Проблема терроризма в современном мире. Наряду с количественными показателями, характеризующими терроризм, анализ литературы позволяет обозначить несколько особенностей терроризма, которые объясняют, почему это явление, ставшее вездесущим [61], по-прежнему остается серьезной проблемой современного мира, требующей исследовательского внимания [54]. Во-первых, произошла трансформация терроризма из *классического* в *глобальный* [61]. Как отмечает М. Вьеверка [61], начало глобального терроризма было ознаменовано двумя террористическими атаками, произошедшими 23 октября 1983 г. в Бейруте. Действия террористов-смертников были направлены против американских и французских миротворцев: грузовики, начиненные взрывчаткой, врезались в казармы один за другим в районе шести часов утра и унесли жизни 248 американских и 58 французских военных [61]. Именно с этого момента терроризм перестал быть явлением, ограниченным рамками какого-либо национального государства, масштаб этой деятельности стал глобальным, безграничным [2;61].

Во-вторых, террористические организации пользуются теперь всеми достижениями технологического прогресса современного мира, встраиваются в глобализированную систему, сливаются с ней [2], другими словами, применяют достижения цивилизации для борьбы с ней же самой. С помощью сети Интернет группировкам удастся сделать то, что едва ли было доступным до появления этого средства, а именно: устанавливать, поддерживать и развивать контакты со все большим и большим количеством людей в разных точках мира, рекрутировать новых членов террористической организации, управлять деятельностью боевика [11; 18]. Важно отметить, что модернизировалась и сама форма воздействия. Ф. Хосрохавар подчеркивает [11], что ИГ, по сравнению с Аль-Каидой, значительно преобразовало стратегию пропаганды. Теперь самым активным образом стали использоваться популярные темы из западных сериалов, рекламы, видеоигр, музыки. Все это

приобретает новый смысл: в легко всплывающие в памяти музыкальные или визуальные ряды встраиваются идеи терроризма. Более того, в актуальном информационном мире, где «власть текстов» сменилась «властью изображений» [41], экстремистская пропаганда выстраивает стратегию коммуникации в соответствии с этими изменениями, принимает во внимание специфику «визуальной культуры» [52]. На изобилие изображений в экстремистской пропаганде уже обращали внимание исследователи [18]. Факт доминирования изображений может объясняться еще и тем, что таким образом преодолеваются языковые барьеры, ведь тогда открывается возможность беспрепятственного обращения к значительной аудитории во всем мире. Отсюда можно ожидать, что визуальные аспекты экстремистской пропаганды не зависят от контекста, специфичного для той или иной культуры. В то же самое время изображения, благодаря их аффективной заряженности, призваны усиливать идею того текста, который они сопровождают. Наконец, если используемые изображения призывают к определенным действиям тех, кому адресована пропагандистская коммуникация, то очевидно, что эти изображения способны актуализировать представления [50], конгруэнтные тому, о чем говорится в соответствующем тексте.

В-третьих, со времен террористических атак в США 11.09.2001 серьезной угрозой стала радикализация в местах лишения свободы [40; 49]. Разные стратегии содержания осужденных (изоляция тех, кто осужден за террористическую и экстремистскую деятельность, от других категорий заключенных или интеграция единичных осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность в группы осужденных по другим статьям [40]), используемые в различных странах, не дают пока успешного разрешения данной проблемы. Вполне возможно, что игнорируется психологическая составляющая процесса радикализации, а именно: механизмы, по которым происходит этот процесс в местах лишения свободы.

В-четвертых, проблема радикализация женщин. Этому вопросу едва ли уделяется достаточное внимание в литературе, ибо террористическая деятельность реализуется преимущественно мужчинами [56; 59; 60]. Апелляция к ошибочной идее о том, что женщины не способны к совершению жестоких действий (как же дающая жизнь может ее разрушить самым жестоким способом, совершив теракт [60]), ошибочная идея о роли женщины в террористических организациях как второстепенного персонажа, всего лишь жены или матери террористов — все это ведет к тому, что из фокуса внимания ускользает чрезвычайно важный факт: именно женщины воспитывают детей. Они транслируют соответствующие идеи о мироустройстве, формируют определенную картину мира. Игнорирование роли женщины оборачивается тем, что женщины используются для выполнения таких задач, где мужчины привлекают внимание: женщины в меньшей степени подвергаются контролю безопасности, чем мужчины, что позволяет смертницам беспрепятственно совершить теракт [56; 59; 60]. Женщины выполняют и еще целый ряд других ролей в террористической организации: информаторов, специалистов по разработке стратегии пропаганды, рекрутеров, руководителей, квалифицированных специалистов, переводчиков, объектов сексуальной приманки и пр. [56; 59; 60]. Информация, распространяемая в социальных сетях, воспринимается иначе, чем информация, транслируемая мужчинами. Участие женщин в террористических актах, например в Палестине, использовалось для демонстрации

безнадежности положения, вынужденной меры доведенных до крайности палестинцев [56; 59].

Терроризм как проблема исследования. Апеллируя к анализу, предпринятому М. Вьеверкой, представляется возможным говорить о том, что на исследовательском уровне проблема терроризма значительный период времени оказывалась своего рода маргинальной областью для гуманитарных и социальных наук. Будучи менее привлекательной, благородной и престижной, по сравнению с другими проблемами, она оставалась в тени. С точки зрения М. Вьеверки, это результат своего рода рассогласования между самой предметной областью и устоявшимися канонами академической жизни [61]. Анализ терроризма с 1960-х гг. предпринимался преимущественно экспертами — представителями разведывательных служб. В современной ситуации изучение проблемы терроризма, как утверждает М. Вьеверка, является частью общей эволюции социальных наук [61]. Сказанное выше, с нашей точки зрения, справедливо для ситуации, сложившейся в западных странах, где проблемы терроризма находятся в фокусе внимания политических, юридических и исторических наук, религиоведения, социологии и психологии. В отечественной науке доля психологического знания существенно отстает от того, предложенного другими дисциплинами: история, религиоведение, политические и юридические науки (об этом свидетельствуют результаты поиска по ключевому слову «терроризм» в публикациях, включенных в базу РИНЦ). При этом именно психологические закономерности (а еще точнее — социально-психологические закономерности) позволяют говорить о том, как человек приходит к совершению теракта. Сказанное выше определяет значимость предлагаемого здесь теоретико-аналитического исследования проблемы радикализации через призму социально-психологического знания.

Для западного мира до 11 сентября 2001 года, о чем свидетельствует анализ А. Силке, университетские курсы по проблемам терроризма были достаточно редким явлением. Теперь же эта проблематика повсеместно интегрирована в образовательные программы [55]. Обращает на себя внимание серьезный рост исследовательского интереса к различным аспектам проблемы терроризма, к пониманию того, как человек вовлекается в террористическую деятельность, становится на путь совершения актов крайнего насилия. Анализ работ, представленных в системе «Google Scholar», позволяет А. Силке сделать любопытный вывод о том, что после событий 11.09.2001 и вплоть до 2016 года, каждый день публиковалось порядка сотни работ (книги, журнальные статьи, тексты диссертаций), в которых присутствовали бы понятия «терроризм» или «террорист». Как можно заметить, этот процесс продолжается и в настоящее время, проблема терроризма не исчерпана для научного анализа, исследователи по-прежнему находятся в поиске объяснительных схем этой серьезной проблемы современности. Новые модели позволяют последовательно приближаться к ответам на вопросы о механизмах радикализации, без которых едва ли возможно предпринимать дерадикализацию и проводить профилактические меры, о необходимости которых говорится на самом высоком политическом уровне [7].

В социальных науках имеет место дискуссия относительно понятия «терроризм» и его определения [46]. То же самое может быть сказано и в отношении понятия «радикализация». Если остановиться на определении терроризма, согласно которому это «... действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной

или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [25, р. 496], то требуется сделать несколько комментариев. Первый комментарий касается того, что, по словам А. Круглянского, «...понятие терроризма оказалось невосприимчивым к согласованному определению» [46, р.2]. Действительно солидный список из 109 определений, представленный в работе 1988 г. по политическому терроризму, не является полным и исчерпывающим; за прошедшие три десятка лет список можно только пополнить рядом новых объяснений. Хотя, если исходить из того, что профилактические мероприятия опираются с необходимостью на научное знание и эмпирические факты, предполагается некоторый консенсус в отношении ряда моделей, которые и могли бы лечь в основу разработки мер по дерадикализации.

Второй комментарий касается того, что террористическая деятельность реализуется группой. Это определяет и понимание самого процесса радикализации. Именно эту линию понимания радикализации мы будем рассматривать в настоящей работе.

Третий комментарий касается собственно процесса радикализации. Среди разнообразных ее определений как процесса, предшествующего вовлечению в террористическую деятельность, имеющих в литературе, обратимся к одному, предложенному К. Маккалли и С. Москаленко, согласно которому: радикализация — это «... растущая крайность убеждений, чувств и поведения в направлении, которое все больше оправдывают межгрупповое насилие и требуют жертв в защиту ингруппы» [48, р.416]. В этом определении акцент делается на групповой природе террористической деятельности и межгрупповом контексте действий. При этом обратим внимание на другую сложность, которую можно заметить в литературе. Р. Борем подчеркивает, что связь между радикальными убеждениями и террористической деятельностью не столь проста: в частности, он утверждает, что существует значительное количество людей, которые имеют радикальные убеждения, но при этом не осуществляют террористическую деятельность; и обратное тоже верно — террористы не разделяют, с необходимостью, радикальных убеждений [14; 15]. Аналогичную идею высказывает К. Маккалли в недавней работе, утверждая, что 99% людей с радикальными взглядами никогда не двинутся в сторону террористической деятельности, а также, что многие уже совершили действия, не имея при этом тех самых радикальных идей [47]. Таким образом, артикуляция когнитивного и поведенческого уровней требует определенного уточнения.

Четвертый комментарий касается психического здоровья как фактора радикализации и совершения террористического акта. Имеются все основания говорить о существовании своего рода консенсуса среди западных исследователей, согласно которому радикализация рассматривается через конструкты, объясняющие социально-эмоциональное функционирование представителей «нормальной» популяции [9; 24]. Несомненно, в литературе по-прежнему присутствуют отдельные попытки апеллировать к психическому неблагополучию как объяснительному механизму вовлечения в террористическую активность [23; 26]. Привлекательность этой трактовки очевидна, ибо она серьезно упрощает задачи исследователей. С опорой на результаты недавнего систематического анализа литературы по проблеме связи психического неблагополучия и вовлеченности в террористическую деятельность подчеркнем, что этот анализ дает в очередной раз основания для утверждения, что сами психические расстройства не являются ни единственным, ни

достаточным фактором для объяснения радикализации и вовлеченности в террористическую деятельность. Среди организованных групп террористов психическое расстройство не встречается чаще, чем среди всей популяции той же возрастной группы. Однако среди одиноких террористов распространенность расстройств выше, чем среди населения в целом. Наблюдается даже закономерность такого толка: чем в большей степени изолированы террористы, тем выше среди них представленность психического неблагополучия [58].

Радикализация: социально-психологическое объяснение. Представляется возможным концептуализировать радикализацию и терроризм в рамках одного континуума, где радикализация — это процесс, ведущий к финальной точке — терроризму [51]. Как отмечалось выше, проблемы терроризма в отечественной психологии представлены немногочисленными работами [3; 4; 5; 6; 9]; процессу радикализации уделяется еще меньше внимания, если апеллировать к базе РИНЦ. В этих текстах в фокусе преимущественного внимания авторов оказываются личностные конструкты, которые, с нашей точки зрения, едва ли объясняют то, каким образом человек примыкает к группам, занятым террористической деятельностью. Процесс дерадикализации пока оказывается вне фокуса внимания отечественных авторов. Отсюда цель нашего исследования заключается в рассмотрении проблемы радикализации через призму социально-психологического знания.

В литературе выделяются два типа объяснительных моделей процесса радикализации: континуумные и постадийные. Если в рамках первого типа моделей отдается предпочтение анализу конфигурации различных факторов, которые влияют на этот процесс, то другая — помещает в фокус внимания само содержание процесса радикализации, последовательность изменений, происходящих с субъектом. Ряд постадийных моделей уже становился объектом нашего изучения ранее [10].

С социально-психологической точки зрения, две теоретические линии позволяют выстроить объяснительную схему для ответа на вопрос о радикализации. С одной стороны, с опорой на идеи С. Аша о социальном влиянии [1; 12] и Ж.-П.Деконши [20] — об ортодоксии представляется возможным выстроить схему: индивид присоединяется к группе, однако не к любой, а только к той, где доминирует ортодоксия, существует один единственный стандарт того, что является правильным и неправильным. Группа, так сказать, «зацементирована» определенной доктриной. Присоединяясь к такой группе, человек соглашается подчиниться действию этой регулирующей инстанции, которая, по сути, диктует ему то, как думать, и то, как себя вести. Этот регулирующий орган обеспечит, чтобы любые иные мысли или иное поведение, чем то, что задается группой, были бы обнаружены и наказаны. Речь идет о присоединении нового члена к уже существующей группе, однако сами идеи социального влияния не объясняют того, почему индивид предпочитает присоединиться к группе с радикальными и экстремистскими взглядами.

С другой стороны, подход социальной идентичности, а именно теория неопределенности—идентичности, предложенная М. Хоггом как линия анализа мотивационного аспекта этого подхода [13; 17; 29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], позволяет выстроить объяснительную схему того, почему и как индивид примыкает к группе с жесткими правилами. Теория неопределенности—идентичности М. Хогга описывает психологический механизм

радикализации, выбор индивида в пользу группы с жесткими правилами — это составляющая теории. Таким образом, в фокусе нашего внимания в настоящей работе будет объяснительная схема радикализации в рамках подхода социальной идентичности. Сформулируем здесь главные преимущества этой объяснительной схемы: во-первых, подход социальной идентичности являет собой богатейшую теоретическую традицию европейской социальной психологии [24], он базируется на теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера [30; 57]. Ключевая идея здесь заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [32]. Ни одна из других объяснительных схем радикализации не имеет такого положения, а пытается объяснить индивидуальные действия интраиндивидуальными конструктами [например: 14; 15; 19; 22; 27; 43; 45; 53]. Апеллируя к идее В. Дуаза об уровнях объяснения в социальной психологии [21], стоит заметить, что явление терроризма предполагает апелляцию к более высокому уровню объяснения, нежели только интраиндивидуальному. Во-вторых, положения теории социальной идентичности и теории самокатегоризации получили многочисленную проверку и развитие в экспериментальных исследованиях, что говорит о силе объяснительного потенциала этой теоретической традиции, в то время как многие объяснительные схемы процесса радикализации еще только ждут своей проверки в эмпирическом исследовании [43; 47]. В-третьих, теория неопределенности—идентичности — как развитие мотивационного аспекта в рамках подхода социальной идентичности — релевантна процессам, происходящим в современном обществе, ибо демонстрирует способ разрешения парадокса постмодернизма: получая свободу, человек страдает от неопределенности (Что делать? Кем быть? Что думать?); как следствие, он стремится к определенности и абсолюту, а именно это и делает привлекательными идеологические системы убеждений [36]. Наконец, теория неопределенности—идентичности, будучи объяснительной схемой процесса радикализации, опирается на исторические факты, согласно которым неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [38].

Рассмотрим здесь основные положения этого подхода, что позволит нам показать адекватность этой теоретической схемы для объяснения процесса радикализации. Для Г. Тэшфела социальная идентичность — это «... знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [цит. по: 30, р. 15]. Это знание является чрезвычайно важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам. С точки зрения подхода социальной идентичности, группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности [31]. Человек нуждается в устойчивом чувстве идентичности (Кто я такой? Где мое место в мире?), ибо неопределенность о себе затрудняет построение поведения в мире [17; 33]. Социальная идентичность, по сути, это интернализованная групповая принадлежность, необходимая для того, чтобы определить, *кто мы такие* в том или ином контексте [33]. Идентификация с группой имеет самые серьезные последствия для человека, а именно: он действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг

на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя, как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти [13]. Таким образом, получая от группы социальную идентичность, человек получает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать и как действовать. Наряду с этим он теперь знает, как воспринимают его другие, как они взаимодействуют с ним [31;32]. Человек получает своего рода предсказуемость, некоторую определенность (хотя М. Хогг и настаивает на том, что скорее можно говорить о меньшей неопределенности, чем об определенности [35]).

Г. Тэшфел предлагает различать и еще один тип идентичности: персональную идентичность, благодаря которой человек отличает себя в группе от других членов, она характеризует человека в терминах его личностных атрибутов [57]. Человек может обладать целым рядом социальных и персональных идентичностей, что определяется теми группами, к которым он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьирует в зависимости от контекста, однако в определенный момент только одна идентичность является актуализированной (*вытуклой*); именно через призму этой социальной идентичности человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное взаимодействие с окружающими [31].

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или социальную категорию как некоторый прототип, т. е. расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение. Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие») и чем она отличается от других групп («они — этакие»). Другими словами, по принципу контраста члены своей группы должны быть максимально отличающимися от членов чужой группы; по принципу ассимиляции — внутри своей группы — члены группы должны иметь минимальные различия [13; 30; 31; 32].

Среди мотивационных процессов, связанных с социальной идентичностью, наше внимание в настоящей работе привлекает снижение неопределенности, ибо этот процесс связан с радикализацией [31; 32]. Именно этот мотив лег в основу теории неопределенности—идентичности М. Хогга, которая объясняет то, почему люди примыкают к бандам, вступают в группировки с экстремистскими и радикальными взглядами [34; 62].

В повседневной жизни человека все время окружает неопределенность, она связана с самыми разнообразными явлениями, будь то безработица, война, кризис, эпидемия. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим [38]. Жизнь полна неопределенности на самых различных уровнях: глобализация, иммиграция, технический прогресс, неограниченный доступ к информации и пр. [33]. Это делает жизнь в XXI веке еще более неопределенной и непредсказуемой. В качестве источников неопределенности М. Хогг указывает следующие: новый культурный контекст;

взаимодействие с незнакомцем; несогласие с членами группы; угроза извне — от членов аутгруппы [13].

Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий; как отмечает А. Кенде: «Социальные медиа (и сопутствующие технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [42, р. 277]. Интернет, с точки зрения А. Хогга, — это прекрасный инструмент для повышения дискомфорта от неопределенности. Более того, современный мир характеризуется фрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, а это порождает очень неприятное чувство неопределенности, которое человек стремится избежать или хотя бы снизить [35]. Таким образом, не любая неопределенность мотивирует к действиям, а только та, которая затрагивает self, значима для человека, на разрешение которой он тратит когнитивную энергию [35].

Общую логику управления неопределенностью находим в трудах Дж.Дьюи: «В отсутствие фактической определенности посреди опасного мира люди культивируют всевозможные средства, которые дали бы им чувство определенности» [цит.по: 36, р. 65]. Заметим, что конструкт неопределенности не является чем-то новым в психологии, он попадал в фокус внимания ученых (Э. Фромм, Л. Фестингер, Д. Канеман и др. [35; 36]). Справедливости ради заметим, что в ранних работах Г. Тэшфела, а позже в некоторых работах Дж. Тернера присутствует идея связи неопределенности и идентификации [35], однако свое развитие эта идея получила позже в работах М. Хогга [35]. То, что отличает теорию неопределенности-идентичности от других линий анализа неопределенности, заключается в следующем: 1) в фокусе внимания теории находятся социальная идентичность и коллективное Я; 2) неопределенность зависит от контекста, а не от личности; 3) неопределенность трансформируется в групповое поведение с помощью социально-когнитивного процесса; 4) речь идет о мотивационном объяснении групповых явлений шире, чем только экстремизм, хотя в нашем случае интерес представляет именно экстремизм и радикализация [36].

Итак, как следствие реакции на неопределенность у индивида возникает целый ряд вопросов: кто он такой, каково его место в этом мире, что нужно думать, чувствовать и как именно поступать в той или иной ситуации. Для того чтобы избежать неопределенности человек стремится к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. В этой связи крайне важна роль коммуникации, которая позволяет получить нормативную информацию о прототипе ин- и аутгруппы, таким образом, коммуникация играет одну из ключевых ролей в формировании социальной идентичности [13].

Снизить неприятное чувство неопределенности возможно с помощью социальной категоризации, потому что она придает смысла миру и делает поведение предсказуемым [13]. И чем больше человек испытывает неопределенность, связанную с self, тем больше он стремится к группам с высокой энтитативностью [16]. Такие группы имеют четкие границы, внутреннюю однородность, иерархическую структуру и общность судьбы [35]. Эти группы обладают специфическим прототипом: ясным, предписывающим, согласованным (т. е.

исключается инакомыслие, это оно порождает сомнения и неопределенность, поднимает вопрос о валидности групповых норм [13]) . Как подчеркивает М. Хогг, эти особенности скорее касаются воспринимаемой взаимозависимости, нежели простого сходства и гомогенности [35].

Другими словами, переживая неопределенность, люди становятся уязвимыми к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, ибо таким образом они получают простые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Снижение неопределенности достигается за счет принадлежности к группе, именно она становится основой для самоопределения. Индивиды обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, имеющие жесткую идеологическую систему убеждений, авторитарное лидерство [13; 31; 34]. Люди отходят от групп с умеренными взглядами [29]. Важно подчеркнуть, что эта такого рода трансформация объясняется контекстом, а не личностными диспозициями. В ситуации неопределенности люди испытывают острую потребность в том, чтобы им указывали направление действий, в результате предпочтение отдается авторитарному лидеру, тогда как вне ситуации неопределенности такой стиль лидерства не получает поддержки [13]. В острой или продолжительной ситуации неопределенности человек делает дальнейший шаг — он стремится присоединиться к группам с экстремистскими, радикальными убеждениями, к тоталитарным группам. Общностям такого типа присущи следующие особенности: это закрытые группы с охраняемыми границами, с иерархической структурой; члены таких групп разделяют одни и те же установки и ценности, инакомыслие исключается (ибо наличие отличающихся точек зрения расшатывает межгрупповое отличие) [13; 35]. Как подчеркивает М. Хогг, атрибуты таких групп напоминают нарциссизм, только на уровне группы [35]. В таких общностях ценностное сходство — это определяющий признак группы. Ценности и установки переплетены с идеологическими системами, являя собой прочную основу для объяснения и ответа на вопросы, таким образом, эти особенности эффективны для снижения неопределенности, ибо, присоединяясь к группе, человек получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я [31; 35]. Группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам четкий стандарт того, что является правильным, а что нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что, в результате, оправдывает любые действия в отношении этих людей [31].

Тогда становится очевидным, по какому механизму эти люди примыкают к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, имеющими крайние позиции, такова цена обретения определенности. Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации. Этот момент достаточно интересен, потому что он позволяет проводить водораздел между участниками и сочувствующими, которые, даже имея

крайне позитивные установки, никогда не перейдут к конкретным действиям. Идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию [31]. Если вернуться к особенностям современного терроризма, о которых говорилось выше, то представляется возможным объяснить процесс радикализации в местах заключения с позиций теории неопределенности—идентичности. Осужденные, не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в заключении первый раз, испытывают так называемый *пенитенциарный стресс* [8]. По сути, они озадачены неопределенностью относительно себя, своей жизненной перспективы, своего положения в мире. Стремясь снизить чувство неопределенности, они присоединяются к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные убеждения. При этом, как отмечает Хогг, и сильная и продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с ясными, простыми, предписывающими прототипами [33; 35]. Группа осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность, воспринимается как гомогенная, имеющая иерархическую структуру, разделяющая общую судьбу и цели, зачастую — с высоко прототипическим лидером, словом, обладающая всем тем, что эффективно снижает неопределенность.

Другая особенность современного терроризма связывается с радикализацией женщин. В рамках теории неопределенности—идентичности имеются экспериментальные исследования, демонстрирующие, что механизм радикализации женщин — тот же самый, что и у мужчин. Обратимся к этим исследованиям. В лабораторном эксперименте, реализованном на выборке австралийских студентов (87 девушек и 81 юношей), проверялась гипотеза о том, что в ситуации умеренной неопределенности индивид отдает предпочтение группе с умеренными взглядами и стратегией поведения, эта идентификация исчезает, ибо в ситуации высокой неопределенности она заменяется новой — с группой с радикальными убеждениями и действиями [37]. Вопрос, порождающий неопределенность, касался оплаты обучения — значимой темы для студентов. Группа с умеренными убеждениями и стратегией характеризовалась так: демократический лидер, свободная структура и гетерогенность группового членства, низкие барьеры для присоединения к группе, разная степень приверженности группе, различающиеся точки зрения. Действия, которые предполагались для борьбы — распространение информационных брошюр, обсуждение и обращение в газету. Радикальная группа характеризовалась ригидностью и иерархичностью структуры, сильным лидерством, гомогенностью точек зрения, высокой приверженностью группе, недопустимостью инакомыслия. Эта группа ратовала за действия, а не за слова; среди акций — блокировка университета. Результаты исследования показали, что ситуация неопределенности ведет к идентификации с группой, причем в ситуации сильной неопределенности предпочтение отдается группам с радикальными взглядами и готовностью к радикальным действиям, при этом разница между мужчинами и женщинами отсутствовала [37].

В другом исследовании [29], реализованном на женских и мужских группах (выборку составили 92 мужчины и 126 женщин в возрасте от 18 до 67 лет; эти группы были выбраны в силу того, что по своим характеристикам они соответствовали тому, что Д. Кэмпбелл назвал высокой *энтнантивностью* [16], с этими группами испытуемые идентифицировались в высокой степени ($M=6,35$ по шкале от 1 до 9)), апеллируя к идее групповой прототипичности

(члены группы могут быть определены как центральные и периферические), авторы предположили, что периферические члены группы, которые верят в то, что совершение определенного поведения позволит им быть принятыми группой, с большей вероятностью будут готовы к действиям экстремистского и антисоциального характера от имени группы. Кроме того, полагалось, что этот эффект будет выражен сильнее в группах мужчин, чем в группах женщин [29]. Результаты исследования показали, что люди, которые сильно идентифицируются с группой, но чувствуют, что еще не приняты в нее как полные члены, и полагают, что некоторое поведение во имя группы позволит им быть полностью принятыми членами группы, с большей вероятностью будут вовлечены в радикальные действия в отношении членов аутгруппы, действуя от имени своей группы. Результаты показали отсутствие разницы между мужчинами и женщинами в готовности использовать агрессивные и антисоциальные действия по имя своей группы. Эти результаты приложимы для объяснения процесса радикализации, они демонстрируют, что механизмы вовлечения в террористическую деятельность не различаются в случае мужчин и женщин [29]. Речь в данном случае о том, как люди присоединяются к террористическим организациям, причем в фокусе внимания — люди, которые ощущают себя находящимися на периферии общества. Это путь почувствовать себя принятым группой, это обретение четкого и определенного чувства self и идентичности [29].

Заключение. Терроризм существует давно и насчитывает не менее двух тысячелетий [44], однако по-прежнему является чрезвычайной проблемой в жизни общества, представляя собой одну из самых серьезных угроз существованию человечества. Понимание того, как человек становится на путь совершения террористических актов требует рассмотрения процесса радикализации. Исходя из того, что террористическая деятельность осуществляется группой, следует, что процесс радикализации едва ли можно объяснить, опираясь на интраиндивидуальные конструкторы. С социально-психологической точки зрения, две теоретические линии позволяют выстроить объяснительную схему для ответа на вопрос о радикализации.

С одной стороны, с опорой на идеи С. Аша о социальном влиянии [1; 12], а также идеи Ж.-П. Деконши [20] об ортодоксии, представляется возможным выстроить схему: индивид присоединяется к группе, однако не любой, а только той, где доминирует ортодоксия, существует один единственный стандарт того, что является правильным и неправильным. Присоединяясь к такой группе, человек соглашается подчиниться ее действию, внимает тому, как думать, и как себя вести. Речь идет о присоединении нового члена к уже существующей группе (по сути, эта теоретическая линия представлена в отечественной литературе), однако сами идеи социального влияния не объясняют того, почему индивид предпочитает присоединиться к группе с радикальными и экстремистскими взглядами.

С другой стороны, подход социальной идентичности, а именно теория неопределенности—идентичности, предложенная М. Хоггом как линия анализа мотивационного аспекта этого подхода [13; 17; 29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38], позволяет выстроить объяснительную схему того, почему и как индивид примыкает к группе с жесткими правилами. Согласно теории неопределенности—идентичности, снижение неопределенности являет собой трехступенчатый процесс: 1) человек испытывает неопределенность, переживая ее как

некоторую угрозу, трудность; 2) для того чтобы управлять неопределенностью, человек ищет группу, ищет групповой прототип; 3) в ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые, а только определенные группы, те, которые дают индивиду ясный, простой, четкий прототип. Как следствие, неопределенность снижается, ибо человек получает информацию о том, что думать, чувствовать и как поступать, а также чего именно ожидать от окружающих, как выстраивать с ними взаимодействие [13]. Этот процесс отражает основное предположение теории неопределенности—идентичности, получившее многочисленную эмпирическую поддержку в экспериментальных исследованиях. Теория неопределенности—идентичности описывает психологический механизм, объясняющий то, почему и как люди присоединяются к группам с экстремистскими, радикальными взглядами, а также почему они отдают предпочтение актам насилия, действуя от имени этих групп [13; 29].

Безопасность и противодействие терроризму являют собой одно из приоритетных направлений развития науки в России. Это направление имеет различные грани анализа. С психологической точки зрения, разработка мер воздействия должна базироваться на знании о том, как человек примыкает к группам и организациям террористического толка, каковы психологические механизмы радикализации, а также понимании закономерностей дерадикализации. Представленный нами аналитический обзор в рамках социально-психологического знания позволил преодолеть своего рода пробел, существующий в литературе, а именно: познакомить отечественного читателя с перспективной объяснительной моделью процесса радикализации. В следующей части нашего аналитического обзора речь пойдет о рассмотрении специфики коммуникативных стратегий в связи с процессом радикализации. В заключительной части мы обратимся к вопросу дерадикализации. Подход социальной идентичности имеет серьезный потенциал для ответа на это вопрос.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект пресс. 2002. 364 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-Классик. 2017. 226 с.
3. Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологическое исследование. М.: Форум, 2012. 398 с.
4. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28—32.
5. Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 20—34.
6. Казберов П.Н., Бовин Б.Г., Фасоля А.А. Психологический профиль террориста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 141—157. DOI:10.17759/psylaw.2019090311
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 26.07.2020)

8. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105—116. DOI:10.17759/psylaw.2015100208
9. Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. 344 с.
10. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32—40. DOI:10.17759/chp.2017130305
11. Чайников Ю.В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. Paris, 2018. № 26. P. 89—100 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 96—99.
12. Asch S.E. Opinions and Social Pressure // *Scientific American*. 1955. Vol.193. P. 31-35.
13. Beladavi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.) // *Advances in Group Processes*. Bingley:Emerald Publishing Limited. 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
14. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. P. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
15. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research // *Journal of Strategic Security*. 2011 a. P. 37—62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
16. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14—25.
17. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2019. P. 1—19. DOI:10.1177/1368430219846990
18. Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech:la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p.
19. Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process 2018. [Электронный ресурс]. <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (дата обращения: 26.06.2020).
20. Deconchy J.P. Rationality and Social Control in Orthodox Systems, In: H. Tajfel (ed.). *The Social Dimension. European Developments in Social Psychology*. Paris : Editions de la Maison des Sciences de l'Homme; Cambridge : Cambridge University Press. 1984. P.13-32.
21. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier, 2015. P. 899—903.
22. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586—604. DOI:10.1111/josi.12030
23. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020,” <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main->

reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020. (дата обращения: 26.07.2020)

24. *Farr R.* The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
25. *Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E.* Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026
26. *Gill P., Corner E.* There and back again: The study of mental disorder and terrorist involvement // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 231—241. DOI:10.1037/amp0000090
27. *Ginges J., Atran S., Sachdeva S., Medin D.* Psychology out of the Laboratory: The Challenge of Violent Extremism // *American Psychologist*. 2011. Vol. 66. P. 507—519.
28. Global Terrorism database. 2020. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 26.05.2020)
29. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
30. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
31. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. P.19-35.
32. *Hogg M.A.* Social identity theory. In: P.J.Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press. 2006. P. 111—136.
33. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicología Social*. 2015. Vol. 30. P. 586—613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
34. *Hogg M.A.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. P. 407—418. DOI:10.1111/josi.12021
35. *Hogg M. A.* Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press. 2007. Vol. 39. P. 69-126.
36. *Hogg M. A.* *Uncertainty-identity theory*. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd.2012. P.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
37. *Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J.* The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. P. 1061—1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
38. *Hogg M., Kruglanski A., K.Van den Bos.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418.
39. Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney. November 2019. <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 26.05.2020).
40. *Jones C.R.* Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // *Punishment and society*. 2014. DOI:10.1177/1462474513506482
41. *Kalmus V.* Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo & S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang,

2007. P. 157—165.

42. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 277—278. DOI:10.1002/ejsp.2097

43. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. P. 602—622 DOI:10.1080/09546553.2011.587064

44. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016. P.1-10.

45. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2020. Vol. 12. P. 37—54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105

46. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis // *Social Issues and Policy Review*. 2009. Vol. 3. P. 1—44. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x

47. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964

48. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism // *Terrorism and political violence*. 2008. Vol. 20. P. 415—433. DOI:10.1080/09546550802073367

49. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing. 2018. P. 138—153.

50. Moscovici S. *La Psychanalyse son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652p.

51. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2019. P. 1—23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828

52. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // *Sociological Review*. 2014. Vol. 62. P. 24—46.

53. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. P. 278—288. DOI:10.1037/amp0000121

54. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007-2016 // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. P. 463—480. DOI: 10.1080/17539153.2019.1579777

55. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A. Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge. 2019. P.1-10.

56. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State // *Journal of Strategic Security*. 2016. Vol. 9. P. 74—98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549

57. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. P. 1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245

58. Trimbur M. Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.

59. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2007. Vol. 30. P. 397—414. DOI:10.1080/10576100701258585
60. Wickham B. M., Capazza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2020. Vol.29. P.953— 968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041
61. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D.Jodelet, J.Vala, E.Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer. 2020. P.75-85.
62. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of groups: An intergroup analysis. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell.2015. P.186-212.

References

1. Andreyeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Aspekt press.2002.364.(in Russ).
2. Bodrijjar, Zh. Duh terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo. [Spirit of terrorism.The Gulf War will not take place]. Moscow: Ripol-Klassik. 2017. 226 p. (in Russ.).
3. Gorbunov K.G. Terrorizm: istoriya i sovremennost'. Sotsial'no-psikhologicheskoye issledovaniye [Terrorism: History and Present. Socio-psychological research]. Moscow : Forum, 2012.398 p. (in Russ.).
4. Yenikolopov S.N. Terrorizm i agressivnoye povedeniye [Terrorism and aggressive behavior]. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal -National Psychological Journal*, 2006, no. 1, pp. 28—32 (in Russ.).
5. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. Motivatsiya terrorista [Terrorist motivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya - Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2007, no. 2, pp.20-34 (in Russ.).
6. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Psikhologicheskiiy profil' terrorista [Psychological profile of a terrorist]. *Psikhologiya i pravo - Psychology and Law*, 2019.Vol. 9, no. 3, pp. 141—157. doi: 10.17759 / psylaw.2019090311(in Russ.)
7. Kompleksnyy plan protivodeystviya ideologii terrorizma v Rossiyskoy Federatsii na 2019-2023 gody (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2018 № Pr-2665) [A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019-2023 (approved by the President of the Russian Federation dated December 28, 2018 No. Pr-2665)] (<https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632>)(Accessed 26.07.2020) (in Russ.).
8. Mel'nikova D.V., Debol'skiy M.G. Penitentsiarnyy stress i osobennosti yego proyavleniya u osuzhdennykh, podozrevayemykh, obvinyayemykh [Penitentiary stress and features of its manifestation in convicts, suspects, accused]. *Psikhologiya i pravo - Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 105—116.(in Russ.).
9. Sosnin V.A. Psihologiya terrorizma i protivodejstvie emu v sovremennom mire. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN». 2016. (in Russ.).
10. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoy srede: v poiskakh ob"yasnitel'noy skhemy [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical*

- Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32—40. doi:10.17759/chp.2017130305. (in Russ.).
11. Chaynikov YU.V. Khosrokhavar F. Kiber-Khalifat IGIL. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. —Paris, 2018. — N 26 — R. 89—100 [Khosrokhavar F. Cyber Caliphate ISIS. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. —Paris, 2018. - N 26 - P. 89—100]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedeniye i Afrikanistika. Referativnyy zhurnal-Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Orientalism and Africanism. Abstract journal*, 2019, no 4, pp.96-99 (in Russ.).
12. Asch S.E. Opinions and Social Pressure. *Scientific American*, 1955. Vol.193, pp. 31-35.
13. Beladavi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley:Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61-77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
14. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, pp. 7—36. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.1
15. Borum R. Radicalization and involvement in violent extremism II: A review of conceptual models and empirical research. *Journal of Strategic Security*, 2011 a, pp. 37- 62. DOI:10.5038/1944-0472.4.4.2
16. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp.14-25.
17. Choi E.U., Hogg M.A. Self-uncertainty and group identification: A meta-analysis. *Group processes and intergroup relations*, 2019, pp.1-19. DOI:10.1177/1368430219846990
18. Conesa P., Huyghe F.B., Chourauqui M. *La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux*. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris, 2016. 230 p.
19. *Countering Violent Extremism: The Application of Risk Assessment Tools in the Criminal Justice and Rehabilitation Process*. 2018. Available at: <https://www.dhs.gov/publication/st-cve-application-risk-assessment-tools-criminal-justice-and-rehabilitation-process> (Accessed: 26.06.2020)
20. Deonchy J.P. Rationality and Social Control in Orthodox Systems, In: H. Tajfel (ed.). *The Social Dimension. European Developments in Social Psychology*. Paris : Editions de la Maison des Sciences de l'Homme; Cambridge : Cambridge University Press, 1984, pp.13-32.
21. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier, 2015, pp. 899—903.
22. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 586—604. DOI:10.1111/josi.12030
23. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020”. <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020>. (Accessed: 26.07.2020).
24. Farr R. *The roots of modern social psychology*. Oxford: Blackwell Publishers. 1996. 166 p.
25. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 495—517. DOI:10.1111/josi.12026

26. Gill P., Corner E. There and back again: The study of mental disorder and terrorist involvement. *American Psychologist*, 2017. Vol.72, pp.231-241. DOI:/10.1037/amp0000090
27. Ginges J., Atran S., Sachdeva S., Medin D. Psychology out of the Laboratory: The Challenge of Violent Extremism. *American Psychologist*, 2011. Vol.66, pp. 507-519.
28. *Global Terrorism database*. 2020. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (Accessed: 26.06.2020)
29. Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol.46, pp.544-553. DOI:10.1111/jasp.12382
30. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
31. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp.19-35.
32. Hogg M.A. Social identity theory. In: P.J.Burke (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111-136.
33. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicología Social*, 2015. Vol.30, pp.586-613 DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
34. Hogg M.A. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 407-418.2013. DOI:10.1111/josi.12021
35. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39, pp. 69-126.
36. Hogg M. A. *Uncertainty-identity theory*. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd,2012, pp.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
37. Hogg M.A., Meehan C., Farquharson J. The solace of radicalism: Self-uncertainty and group identification in the face of threat. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010. Vol.46, pp.1061-1066. DOI:10.1016/j.jesp.2010.05.005
38. Hogg M., Kruglanski A., K.Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, pp. 407—418.
39. Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney. November 2019. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (Accessed: 26.06.2020).
40. Jones C.R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014. DOI:10.1177/1462474513506482
41. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo & S. R. Steinberg (eds.). *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157—165.
42. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015.Vol.45, pp.277-278. DOI:10.1002/ejsp.2097
43. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, pp. 602—622

DOI:10.1080/09546553.2011.587064

44. Koomen W., Van der Pligt J. Introduction. In: W. Koomen, J. van der Pligt (eds.). *The Psychology of Radicalization and Terrorism*. New York: Routledge, 2016, pp.1-10.
45. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020. Vol.12, pp. 37-54. DOI:10.1080/19434472.2018.1509105
46. Kruglanski A., Fishman S. Psychological Factors in Terrorism and Counterterrorism: Individual, Group, and Organizational Levels of Analysis. *Social Issues and Policy Review*, 2009. Vol. 3, pp. 1-44. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2009.01009.x
47. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964
48. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 2008. Vol. 20, pp. 415-433. DOI:10.1080/09546550802073367
49. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. In: J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag: Springer International Publishing. 2018, pp.138-153.
50. Moscovici S. *La Psychanalyse son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961. 652p.
51. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B., Penzkofer M., Scheuermeyer A., Sust L., Schmidt H. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a comprehensive Model of Terrorist Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2019, pp. 1—23. DOI:10.1080/09546553.2019.1663828
52. Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture. *Sociological Review*, 2014. Vol. 62, pp. 24—46.
53. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, pp.278—288. DOI:10.1037/amp0000121
54. Schuurman B. Topics in terrorism research: reviewing trends and gaps, 2007-2016. *Critical Studies on Terrorism*, 2019. Vol.12, pp. 463-480, DOI: 10.1080/17539153.2019.1579777
55. Silke A. The study of terrorism and counterterrorism. In: A.Silke (ed.). *Routledge Handbook of terrorism and counterterrorism*. New York: Routledge, 2019, pp.1-10.
56. Spencer A.N. The Hidden Face of Terrorism: An Analysis of the Women in Islamic State. *Journal of Strategic Security*, 2016. Vol.9, pp. 74-98. DOI:10.5038/1944-0472.9.3.1549
57. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp.1—39. DOI:10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
58. Trimbou M. *Les terroristes et personnes radicalisées ont-ils des troubles mentaux ? Une revue systématique de la littérature*. Thèse pour le diplôme d'Etat de docteur en médecine. Lille: Université de Lille, 2019. 141 p.
59. Von Knop K. The Female Jihad: Al Qaeda's Women. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007. Vol. 30, pp. 397-414. DOI:10.1080/10576100701258585
60. Wickham B. M., Capezza N.M., Stephenson V.L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 2020. Vol.29, pp.953—968. DOI:10.1080/10926771.2019.1685041

Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть I)
Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120—142.

Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part I).
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 120—142.

61. Wiewiorka M. From the “classic” terrorism of the 1970s to contemporary “global” terrorism. In: D.Jodelet, J.Vala, E.Drozda-Senkowska (eds.). *Societies under threat*. Cham: Springer, 2020, pp.75-85.
62. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of groups: An intergroup analysis. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs and gang responses*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp.186-212.

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Тихонова Анастасия Дмитриевна, выпускница кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Information about the authors

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>

Получена 13.05.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 13.05.2020
Accepted 07.09.2020